

РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ И РАЗБОЙНИКИ: КТО ИМЕЕТ ПРАВО НА НАСИЛИЕ?

А. В. Козленко

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, strator40@gmail.com

В период наивысшего могущества Римской империи в I–III вв. разбойники представляли собой серьезную угрозу для жителей сельской местности и путешественников. О широком распространении этого явления свидетельствуют многочисленные источники, в т. ч. принятые против них законы, нарративы историков и литераторов, документы и надписи. В период смут и гражданских войн отряды разбойников увеличивались в числе и размерах настолько, что для борьбы с ними приходилось использовать отряды регулярной армии.

Ключевые слова: Римская империя; разбой; грабеж; разбойники; бандиты; грабители; криминал; социальный бандитизм; суверенитет

ROMAN EMPIRE AND THE BANDITS: WHO HAS THE RIGHT TO VIOLENCE?

A. V. Kozlenko

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, strator40@gmail.com

During the I–III AD when Roman Empire was at the top of her power, bandits posed a serious threat to the rural population and travelers. The widespread of banditry is evidenced by numerous sources, including laws passed against them, narratives of historians and writers, documents and inscriptions. During the period of unrest and civil wars, band of robbers increased in number and size so much, that regular army detachments had to be used against them.

Key words: Roman Empire; robbery; robbers; bandits; crime; social banditry; sovereignty.

Римский историк Веллей Патеркул, горячий сторонник принципата, прославляя правление императора Тиберия, воздал хвалу установленному могуществом Цезаря миру, который не только положил конец терзавшим потомков Ромула гражданским войнам, но также самые отдаленные уголки мира сделал свободными от разбоя (Vell. II, 126, 3). Также и другим римским и греческим авторам, в т. ч. Сенеке, Плинию Старшему, Плутарху, Элию Аристиду и др., установленный императорами порядок виделся возвращением на землю эпохи «Золотого века». Нет сомнений в том, что эта идеология действительно разделялась самыми широкими слоями общества, особенно на фоне предшествовавших установлению принципата ужасов эпохи гражданских войн. Та же благостная картина характерна для историков раннего Нового времени. Наиболее известной в

этом списке является оценка Эдварда Гиббона Римской империи эпохи Антонинов, как самого счастливого времени в истории человечества, когда значительная его часть жила в условиях «Золотого века». Сегодня среди историков преобладает гораздо более взвешенная оценка римского порядка. Авторы множества опубликованных работ по римской экономике и социальной структуре приходят к выводу, что даже в относительно благополучные времена римское общество отнюдь не являлось гармоничным. Его разделяли многочисленные противоречия, прорывавшиеся наружу в ходе то и дело вспыхивавших конфликтов. Снаружи границы Римской империи периодически подвергались нападению варваров, а изнутри ее стабильности угрожали разбойники.

Разбойничество в Римской империи долго находилось вне поля зрения историков. Пробуждение к ней интереса прежде всего связано с распространением марксистской историографии с характерной для нее ориентации на изучение социально-экономической истории и интересом к массовым народным движениям. Марксистские историки развитие разбойничества рассматривали в двух главных контекстах: с одной стороны, в контексте национально-освободительной борьбы покоренных римлянами народов против завоевателей, а с другой стороны, в контексте классовой борьбы, которая велась бедняками и беглыми рабами против богатых землевладельцев и поддерживавших их властей. Эта борьба включала различные формы, от скрытого пассивного сопротивления и одиночных выступлений до партизанских действий и масштабных восстаний. В каталоге, опубликованном в 1987 году немецким историком Томасом Пекари, оказалось учтено более чем 100 случаев восстаний, беспорядков и мятежей, происходивших как в самом Риме, так и в провинциях в период от начала правления Августа до смерти Коммода, т. е. в ту самую эпоху, которая с точки зрения значительной части современников считалась «Золотым веком». На основе этого материала автор приходит к выводу о том, что политическая нестабильность и внутренние беспорядки являлись привычной частью повседневного существования Римской империи даже в самые мирные периоды ее истории [1].

Один из первых и наиболее удачных примеров анализа политической ситуации, сложившейся в римской провинции Иудея был дан в опубликованной в 1957 году монографии профессора кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета Белорусского государственного университета Гилера Марковича Лившица «Восстания в

Иудее и классовая борьба против Рима». Разбой на дорогах, нападения на богатые усадьбы и другие проявления криминала являлись неотъемлемой частью повседневной жизни Иудеи задолго до восстания 63–70 гг. н. э. Разорившиеся бедняки, которых эксплуатировали богатые землевладельцы, царские сборщики налогов и судебные исполнители под гнетом долгов бросали свои земельные наделы и отправлялись в горы и пещеры Галилеи, чтобы жить здесь вне установленных властями законов. Радикализация протеста, которая в итоге привела к взрыву восстания, была обусловлена не только расширением эксплуатации в связи с переходом Иудеи под власть Рима, но также религиозной экзальтацией широких народных масс, ожиданием пришествия мессии и скорого конца света. История иудейского восстания ясно показывает, как оба течения взаимодействовали и взаимно вдохновляли друг друга, что привело политическую жизнь в стране к взрывоопасному состоянию. Революция, когда она вспыхнула, оказалась в равной степени направлена как против чужеземной римской власти, в которой восставшие видели корень зла, так и против местной социальной верхушки, воспринимавшейся в качестве ее прихвостней [2].

Одним из самых известных авторов, пишущих о взаимосвязи милитаризма и сектантства с революционным движением народных масс, является британский историк и социолог Эрик Хобсбаум. В небольшом эссе «Бандиты», написанном в 1969 году и недавно переведенном на русский язык, он выводит корни разбойничества из классовой структуры аграрных обществ. Разбойники состояли из отбросов этого общества, разорившихся крестьян, батраков, беглых рабов и слуг военных дезертиров, которые прятались от властей в отдаленных и труднодоступных местах. Сохраняя тесные связи с крестьянской средой, откуда большинство из них было родом, разбойники получали оттуда необходимое им продовольствие, рекрутировали из крестьян новых членов своей банды, а также черпали информацию, необходимую для планирования нападений. В свою очередь, большинство крестьян воспринимало разбойников как борцов за справедливость, выступавших против богачей и покрывавших их властей. Это явление Хобсбаум называл «социальным бандитизмом». «Ключевым в вопросе о социальных бандитах, – писал он, – является то, что сами они, крестьяне по происхождению, объявляются землевладельцами и государством преступниками, но при этом остаются в крестьянском сообществе и считаются в нем частью этого общества, героями, защитниками,

мстителями, борцами за справедливость и, возможно, даже за освобождение. Ими восхищаются, им помогают, их поддерживают». Это более или менее неизменный ответ крестьянского сообщества на «угнетение и эксплуатацию со стороны землевладельцев, городов, правительства, юристов и даже банков». Такого рода бандитизм является «одним из наиболее распространенных общественных явлений из известных в истории» [3].

Римское слово «разбойник» (*latro*) восходит к греческому *λάτρις* или *λατρεύς*, означавшему человека, получающего жалование, в т. ч. наемного солдата или раба, сданного своим хозяином внаем. Вероятно, эта этимология основана на близком знакомстве с мародерствующими бандами наемных солдат, превращавшихся в разбойничьи шайки сразу по окончании оговоренного контрактом срока службы. Впервые в значении «разбойник» (*latro*) и «разбой» (*latrocinium*) этот термин встречается в законе 77 г. до н. э., который приравнивает занятие разбоем к намеренному убийству. С точки зрения права разбойники являются преступниками, к числу которых Ульпиан относит также осквернителей священной собственности (*sacrilegi*), взломщиков и грабителей (*praedones*) похитителей людей (*plagiarii*), а также обычных воров (*fures*) (*Dig.* 1, 18, 13). От остальных злодеев разбойников отличает использование оружия (*vis armata*), действия в составе организованных групп (*factiones*), а также тяжесть ими содеянного (*Gai. Dig.* 9. 2. 4 *pr. Coll.* 10. 7. 4 = *Paul. Sent.* 2). Помимо криминальных элементов римляне без тени сомнения относили к числу разбойников также агитаторов (*seditionem concitatores*), революционеров (*duces factiones*) и повстанцев, чьи действия с сегодняшней точки зрения находятся скорее в политической и социальной, нежели в уголовной сфере. Наконец, по аналогии, к разбойникам римляне относили «мародерствующих варваров», внутри или снаружи границ империи, организация которых была слишком примитивной, чтобы рассматривать их в качестве настоящих врагов (*hostes*) (*Dig.* 49, 15, 24).

О том, насколько широко распространены были нападения разбойников, можно судить по тому, что наряду со старостью, болезнями и стихийными бедствиями, законы признавали их среди наиболее распространенных причин смерти (*Dig.*, 13, 6, 5, 4; 27, 1, 13, 7). Апостол Павел во 2-м послании коринфянам указывал, как часто во время своих путешествий он подвергался опасности нападения разбойников (*II Corinth.*, 11, 26). Ранее сам Иисус использовал притчу о добром самарянине, который спас путника, израненного разбойниками на дороге

из Иерусалима в Иерихон. Неудачная поездка имела протяженность не более 15 миль, при этом ее маршрут пролегал по одному из наиболее часто используемых маршрутов в Иудее (Лук 10, 25–37). Не только в Иудее, но даже в самом центре империи знатные лица, путешествующие в сопровождении свиты рабов и вооруженных охранников, не были в безопасности. Плиний Младший рассказывал о несчастии, приключившемся с его знакомым Атилием Скавром, который как-то отправился в Окрикул, город всего в 40 милях к северу от Рима и бесследно исчез. «Погиб ли он от рук своих рабов, – пишет Плиний, – или вместе с ними, неизвестно; только больше не появлялся ни он сам, ни кто-либо из его рабов». Ранее, как он пишет, подобный случай произошел с другим его земляком, Метилием Криспом (Plin. Ep., VI, 25). Чтобы избежать подобной опасности, Эпиктет советовал своим друзьям обзавестись надежными попутчиками или пристать к свите какого-либо должностного лица (Epict., IV, 1, 91–95).

Весьма подробную картину повседневного криминала, включая разбойные нападения, грабеж, воровство и другие формы преступного поведения рисуют египетские папирусы. В библиотеке Манчестерского университета хранится собрание из 29 документов, которые происходят из селения Эвгемерии в Фаюмском оазисе и датируются временем между 28 и 42 гг. н. э. Они представляют собой показания местных жителей, ставших жертвами различных преступлений. Почти половина зафиксированных преступлений представляет собой кражи домашних животных, урожая пшеницы и других продуктов. Среди украденных вещей упоминаются предметы домашнего обихода, рабочие инструменты, предметы одежды и т. д. В 14 случаях упоминается о краже денег или золотых украшений. В 10 случаях сумма ущерба составляет от 40 до 200 драхм. Крупные суммы в 200 и 120 драхм скорее всего являются средствами, переданными жертвам ограбления третьими лицами для приобретения каких-то товаров. Телесные повреждения встречаются только в 6 случаях. Интересно, что в 19 случаях заявители называли имена подозреваемых в преступлении. Это означает, что преступники и их жертвы происходили из одной и той же среды. В 13 случаях заявитель указывал не только личность, но также и профессию подозреваемого и в 9 подобных случаев речь шла о пастухах. Не только в Египте, но и в других провинциях империи пастухи пользовались дурной славой людей, замешанных в разнообразных проступках [4].

Разбойников боялись, но ими также восхищались. Они являлись участниками сюжетов почти всех известных нам античных романов: «Метаморфоз» Апулея, «Левкиппы и Клитофона» Ахилла Татия, «Эфиопики» Гелиодора и анонимной «Истории Аполлония, царя Тира». Даже такой серьезный автор как Арриан написал не дошедшую до нас биографию знаменитого атамана Тиллибора. Историк Геродиан поместил в свое сочинение пространный рассказ о Матерне, бывшем воине, оставившем службу и ставшем разбойником. Собранный им шайка в 185–186 гг. не только грабила виллы богатых провинциалов, но даже осмеливалась нападать на селения и осаждала большие города. Размах предпринятых против разбойников военных действий был таков, что их называли «войной с дезертирами» (*bellum desertorum*). В конце концов разбойничьи отряды были рассеяны, а их предводитель схвачен и обезглавлен в Риме (Herod., I, 10). Кассий Дион рассказывал о Булле Феликсе, который около 205–207 гг. действовал в самой Италии, умело избегая расставленных ему ловушек и водя за нос своих преследователей. Благодаря ярким подробностям его рассказа, Булле Феликсе является, вероятно, самым известным разбойником римской истории. Он также в конечном итоге был схвачен благодаря предательству и окончил свою жизнь на арене цирка (Dio Cass., 77, 10).

По территориальному размаху и числу участников деятельность Матерна и Буллы Феликса далеко выходила за рамки повседневного криминала. Все чаще для борьбы с разбойниками приходилось привлекать отряды регулярных войск, что и самих разбойников уравнивало с их преследователями. Интересно, что речь разбойников в литературных произведениях оказывается насыщена политической и военной терминологией: предводитель по-гречески называется *λήσταρχος*, иногда его именуют «царем» (*βασιλεύς*), у него есть помощник «щитоносец» (*ὑπασπιστής*), шайка называется «войском» (*στρατός*), логово – лагерем (*στρατόπεδον*), а друг друга разбойники именуют на военный манер «соратниками» (*συστράτιώται*). По мере роста социальной напряженности в провинциях и ослабления власти императора, разница между официальными властями и предводителями разбойничьих шайк постепенно нивелировалась. Св. Августин в сочинении «О граде божьем» затрудняется при проведении четкой разницы между «царством» (*regnum*) и разбойничьей бандой. (*latrocinium*), «ибо что такое разбойничьи шайки, как не царства в миниатюре? Банда – это также группа людей,

управляемая властью вождя, связанная социальным договором, и ее добыча также делится в соответствии с законом» (Aug. Civ. dei., IV, 4).

Библиографические ссылки

1. Pekáry Th. Seditio. Unruhen und Revolten im römischen Reich von Augustus bis Commodus // *Ancient Society*. 1987. Bd. 18. S. 133–150.
2. Лившиц Г. М. Классовая борьба в Иудее и восстания против Рима. К проблеме социально-экономического строя римских провинций. Минск, 1957.
3. Хобсбаум Э. Бандиты. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2020.
4. Grünewald Th. *Bandits in the Roman Empire: Myth and reality*. Oxford: Routledge, 2004.